

Третій международный конгрессъ католическихъ ученыхъ.

Обыкновенно лица, устраивающія выставки, съезды, конгрессы, заботятся о томъ, чтобы сообщить своимъ предпріятіямъ какъ можно болѣе гласности, рекламировать ихъ какъ можно шире, обратить на нихъ вниманіе прессы и общества. Но есть въ Европѣ дѣльцы особаго рода, они не шумятъ, не позируютъ передъ публикой, они дѣлаютъ свое дѣло втихомолку, заботятся не объ эффектѣ, а о практическихъ результатахъ своихъ предпріятій. Люди эти—борцы за католицизмъ. Многимъ ли, напримѣръ, извѣстно, что у насъ въ Петербургѣ есть католическая духовная академія, приготавливающая дѣятелей очень опредѣленнаго типа для нашихъ западныхъ окраинъ. О ней, о ея жизни и дѣятельности нельзя найти извѣстій въ газетахъ и вообще въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, между тѣмъ какъ мало мальски выдающіяся обстоятельства въ жизни другихъ высшихъ заведеній (акты, диспуты) всегда отмѣчаются текущей печатью. Точно также когда въ 1888 году въ Парижѣ былъ первый, а въ 1891 году второй международный конгрессъ католическихъ ученыхъ ¹⁾, то, судя по всему, очень немногіе даже и изъ тѣхъ, которые внимательно слѣдятъ за умственными явленіями въ современной жизни, были освѣдомлены объ этихъ конгрессахъ и ихъ дѣятельности. Между тѣмъ на этихъ конгрессахъ присутствовали представители

¹⁾ Когда бюро конгрессовъ опубликовало отчетъ (совмѣстный) объ ихъ дѣятельности, нами было помѣщено сообщеніе объ этомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (Международные конгрессы католическихъ ученыхъ. 1892 г. № 289). Если не ошибася нигдѣ болѣе въ русской печати объ этихъ конгрессахъ ничего не было сказано.

самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія изъ обоихъ полушарій и было прочитано громадное количество интересныхъ научныхъ сообщений и рефератовъ.

Для православныхъ богослововъ эти конгрессы представляютъ большой интересъ по своей цѣли—апологетической. Многія науки и особенно естествознаніе въ настоящее время обнаруживаютъ значительное стремленіе принять направленіе враждебное религіи. Католическая іерархія задалась цѣлю воспитать въ духѣ католицизма ученыхъ всѣхъ видовъ знанія, которые боролись бы съ антирелигіознымъ направленіемъ науки и, содѣйствуя развитію науки, устанавливали бы согласіе между нею и вѣрою. Такихъ ученыхъ себѣ дѣйствительно католики и счумѣли прибрѣсть. Девизъ ихъ: „*nulla unquam inter fidem et rationem vera dissensio esse potest*“—между вѣрою и знаніемъ никогда не можетъ быть дѣйствительнаго разногласія. Они чутко прислушиваются къ вѣяніямъ современной мысли и тамъ, гдѣ эта мысль оказывается враждебною или началамъ христіанской религіи или просто на просто тенденціямъ католицизма, они энергично борются противъ нея и многіе изъ нихъ, будучи людьми знаній и таланта, не рѣдко борются съ успѣхомъ. У нихъ есть свои ученые общества, свои университеты, свои спеціальные журналы. Устроивъ два конгресса въ Парижѣ, они осенью 1894 года устроили третій въ Брюсселѣ. Полнаго отчета объ этомъ конгрессѣ не издано еще доселѣ, но свѣдѣнія достаточныя для того, чтобы составить о немъ правильное понятіе, опубликованы недавно въ Брюссельскомъ органѣ ученыхъ католиковъ—*Revue des Questions scientifiques*. Пользуясь этими свѣдѣніями, мы и постараемся познакомить съ брюссельскимъ конгрессомъ читателей „Богословскаго Вѣстника“.

Вопросъ о времени и мѣстѣ третьяго конгресса былъ рѣшенъ на второмъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1891 году. Была образована особая коммисія, которая обратилась къ католическимъ ученымъ разныхъ странъ съ предложеніемъ принять участіе въ предпріятіи. Рѣшено было, что рефераты будутъ читаться на французскомъ языкѣ, но что для иностранныхъ ученыхъ, не владѣющихъ этимъ языкомъ, будутъ дѣлаться переводы. На конгрессѣ было рѣшено устраивать общія собранія, на которыхъ бы читались по-

пулярные рефераты по различнымъ наукамъ и кромѣ этого было рѣшено учредить восемь секцій по слѣдующимъ вѣтвямъ знанія: 1) науки касающіяся религій, 2) науки философскія, 3) науки юридическія, 4) науки историческія, 5) науки естественныя съ подраздѣленіемъ на математическія, фізику, химію, геологію и минералогію, ботанику, зоологію, біологію, 6) антропологія, 7) филологія, 8) христіанское искусство. Уже заранѣе комитету завѣдывавшему устройеніемъ конгресса было обѣщано множество рефератовъ. Назовемъ нѣкоторые изъ нихъ. Изъ Испаніи: „Откровеніе есть самый могущественный помощникъ для науки естественнаго права“, „о вліяніи туземнаго элемента въ цивилизаціи гренадскихъ мавровъ“; изъ Италиі: „Католическій союзъ для изученія социальныхъ наукъ“; изъ Сѣверной Америки: „Цивилизація народовъ живущихъ около великихъ озеръ“, „Первобытная Америка“; изъ Англии: „Религіозное ученіе по надписямъ Ахеменидовъ“ (въ Персіи). По физико-математическимъ наукамъ, естествознанію и антропологіи были предложены слѣдующіе рефераты: Гермита ¹⁾— „объ отношеніи между числами Бернуллі“, аббата Но — „сообщеніе о такъ называемомъ уравненіи непрерывности въ гидродинамикѣ“, Босредана—1) „новый методъ для преобразования координатъ въ пространствѣ и опредѣленіе плоскихъ сѣченій у поверхностей“ и 2) „соображенія о коническихъ сѣченіяхъ“, Риккарта— „приложеніе аналитической геометріи къ музыкальной техникѣ“, Гюстана—1) „объ евклидовомъ постулатѣ“ и 2) „о периметрѣ эллипсиса и о нѣкоторыхъ опредѣленныхъ эллиптическихъ интегралахъ“, аббата Константа— „растительная кристаллизація“, Гарсія де ла Круца— „законы относительно волнующихся жидкостей и туманныхъ газовъ, открытые и доказанные экспериментально“, аббата Булэя— „эволюціонныя теоріи въ ботаникѣ“, Дюгема — „нѣсколько соображеній объ электродинамикѣ Максуэля“. Деряя— „объ инстинктѣ птицъ“, Болсіа— „анатомическое строеніе земныхъ тростниковъ“, каноника Аль-

¹⁾ Гермитъ—знаменитый и маститый математикъ, ему между прочимъ принадлежитъ доказательство, что основаніе неперовыхъ логарифмовъ e не можетъ быть выражено никакимъ числомъ и никакою алгебраической формулой.

мера— „пліоценовая ¹⁾ форма въ окрестностяхъ Барцелонѣ“, Цама, профессора университета Божіей матери (въ Индіанѣ)— „о необходимости преподавать въ настоящее время естественныя науки въ духовныхъ семинаріяхъ“, маркиза Надайка— „поселенцы свайныхъ построекъ“, Дюильея де Сентъ Прожэ— „о степени прочности научныхъ и метафизическихъ утверждений въ антропологіи“, Гальна Фретэ— „начало неолитическаго вѣка“ ²⁾, Гильлемэ— „теорія общихъ предковъ“, Калана— „первоначальные поселенцы въ Великобританіи“, Донадіу— „о происхожденіи карликовъ въ долині Рива (въ Каталоніи)“, Буато— „о рудиментарномъ языкѣ приписываемомъ обезьянамъ“, Кирвана— „человѣкъ и животное“, Рэнжара— „древность человѣка по сравнительнымъ даннымъ исторіи и геологіи“, каноника Шеффжена— „положеніе науки о доисторическомъ въ Германиі“, Арслена— „нѣсколько проблемъ по вопросу о глубокой древности (человѣка)“, Аси— „эпоха кладбищъ въ Баусэ-Руссэ“ (близъ Ментоны).

Перечисленные нами рефераты далеко не исчерпываютъ того, что было читано и сообщено на конгрессѣ. Конгрессъ продолжался съ 3-го по 8-ое сентября (по новому* стилю). Засѣданія происходили въ академическомъ дворцѣ Брюсселя (въ залахъ противъ ботаническаго сада). Открытіе конгресса послѣдовало въ понедѣльникъ 3-го. Въ этотъ день Ванъ деиъ Гейнъ сообщилъ о предварительныхъ работахъ по устройенію конгресса. Во вторникъ въ общемъ собраніи говорилъ Госсенъ о научныхъ цѣляхъ конгресса. Онъ отмѣтилъ, что послѣ добродѣтели знаніе есть высшее преимущество

¹⁾ Геологія дѣлитъ прошлую исторію земли на періоды и періоды на эпохи. Мы живемъ въ четвертичномъ періодѣ и время нами переживаемое носить имя современной эпохи. Предшествовавшій періодъ назывался третичнымъ и послѣдняя изъ его эпохъ пліоценовой. Фауна и флора тогда уже въ значительной мѣрѣ приближались къ современной (въ концѣ пліоценовой эпохи существовало уже 90% нынѣ живущихъ видовъ моллюсковъ), температура была нѣсколько выше, человѣка еще не существовало.

²⁾ Въ жизни европейскихъ обитателей былъ періодъ, когда они не употребляли металлическихъ, а лишь каменные орудія, въ древнѣйшую пору этого періода (палеолитическую, *πάλαιος*—древній, *λίθος*—камень) орудія добывались оббивкой, въ позднѣйшую ихъ научились обдѣлывать посредствомъ шлифованія. Это позднѣйшая пора и носитъ имя неолитической (*Νέος*—новый, *λίθος*—камень).

человѣка. Затѣмъ инженеръ Лагассъ де Лохтъ предложилъ обратиться къ папѣ Льву XIII съ просьбою, чтобы онъ выразилъ свое одобреніе собранію. Былъ составленъ слѣдующій адресъ: „болѣе двухъ съ половиною тысячъ членовъ, собравшихся изъ всѣхъ странъ земнаго шара, именно: изъ Германіи, Австріи, Испаніи, Американскихъ соединенныхъ штатовъ, Франціи, Италіи, Голландіи, Швейцаріи единодушно возносятъ ихъ первую мысль къ апостольскому престолу и представляютъ Вашему святѣйшеству съ почти тельнѣйшими выраженіями ихъ сыновней преданности сердечное увѣреніе въ ихъ полномъ подчиненіи ученію святаго апостольскаго престола. Это полное и всецѣлое подчиненіе доктринамъ католической, апостольской и римской церкви естественно для ученыхъ. Кто изъ нихъ, глубоко и безпристрастно изучивъ ту или иную вѣтвь человѣческаго знанія, не повторитъ вмѣстѣ съ ватиканскимъ соборомъ слова (*nulla unquam inter fidem et rationem...*), ставшія девизомъ брюссельскаго ученаго общества“.

Послѣ того какъ адресъ былъ окончательно составленъ и одобренъ, Лаппаранъ, только что прибывшій съ конгресса геологовъ, бывшаго въ Цюрихѣ выступилъ съ рефератомъ „вѣкъ топографическихъ формъ“. Лаппаранъ — знаменитый геологъ, но его геологическія воззрѣнія довольно своеобразны. Онъ не слѣдуетъ рабски принципамъ Ляйэля и Дарвина, согласно которымъ измѣненія на земной поверхности происходятъ незамѣтно и съ крайнею медленностію такъ, что для того, чтобы принять настоящій видъ, землѣ пужны были миллиарды вѣковъ. Подобно Эли де Бомону Лаппаранъ допускаетъ возможность геологическихъ катастрофъ и внезапныхъ и моментальныхъ измѣненій рельефа земной коры. Но въ общемъ онъ все таки дѣлаетъ много уступокъ геологіи Ляйэля и, отказавшись отъ миллиардовъ лѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекшись подобно другимъ геологамъ попыткой дать собственную хронологію земнаго шара, Лаппаранъ останавливается на десяткахъ милліоновъ.

Изъ рефератовъ общаго собранія читанныхъ въ среду останавливаетъ на себѣ вниманіе рѣчь парижскаго прелата Гульста о смыслѣ и значеніи конгрессовъ католическихъ ученыхъ. Отмѣтивъ высокое научное и апологетическое значеніе ихъ, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ обраще-

ніемъ къ бельгійскимъ представителямъ конгресса: „ахъ! господа, позвольте французу, глубоко любящему и свою церковь и свое отечество, позвольте позавидовать сынамъ свободной Бельгіи въ томъ преимуществѣ, которое они такъ охотно дѣлятъ съ нами въ этотъ счастливый и благодѣтельный моментъ. Во Франціи мы не привыкли видѣть, чтобы предпріятія, пачатая по католической инициативѣ, находили гостепрѣимство въ національныхъ дворцахъ и считали министровъ въ числѣ своихъ судьятелей, мы не привыкли видѣть, чтобы такія предпріятія направленныя къ возрожденію общества подъ вліяніемъ вѣры пользовались покровительствомъ откровенной и истинной свободы. Но когда я думаю о той широкой и полной свободѣ, которою пользуетесь вы, потому что сѣумѣли ее пріобрѣсть; когда я думаю, что вы пользуетесь ею и сохраняете ее, потому что нашли тайну воспитать весь народъ въ мысли, что она (свобода) есть гарантія всѣхъ прочихъ благъ, тогда я перестаю вамъ завидовать, я удивляюсь вамъ и я чувствую себя охваченнымъ желаніемъ вести мою страну по пути подражанія Вамъ“.

Въ тотъ же день въ общемъ собраніи читалъ рефератъ Поль Альяръ „о государственномъ и матеріальномъ положеніи язычества въ половинѣ IV-го вѣка“. Онъ говорилъ о законахъ Константина и Констанція относительно язычниковъ. Константинъ, уважая свободу языческаго культа, нападалъ только на языческія злоупотребленія и стѣснялъ вліяніе язычества, Констанцій запрещалъ язычникамъ приносить жертвы и приказывалъ затворять храмы. Но въ Римѣ, гдѣ императорскіе законы были скорѣе объявленіемъ принциповъ, чѣмъ обязательными постановленіями, язычество продолжало процвѣтать, благодаря вліянію языческой аристократіи. Такъ было вездѣ, гдѣ существовало это вліяніе: въ Италиі, Африкѣ, Испаніи. Въ Галліи, Бельгіи и Германіи христіанство распространилось въ городахъ, но деревни тамъ по прежнему оставались приверженными язычеству; въ Британіи христіане были очень малочисленны. На востокѣ христіанство являлось несравненно болѣе жизненнымъ. Христіанская проповѣдь почти съ самаго начала христіанства была тамъ широко распространена и тамъ не было могущественной аристократіи, которая могла бы идти

противъ истины. И на востокѣ и на западѣ христіанство господствовало надъ массами въ большихъ городахъ, но только на востокѣ оно было широко распространено среди деревенскаго населенія, на западѣ въ деревняхъ христіанъ было очень мало.

Въ четвергъ на конгрессѣ сдѣлалъ сообщеніе Шепманъ о значеніи католическихъ конгрессовъ, задача которыхъ изслѣдовать все истинное, доброе и прекрасное, что создалъ Господь Богъ. Онъ говорилъ о необходимости энтузіазма въ ихъ дѣлѣ. Въ этотъ же день обсуждался вопросъ о слѣдующемъ конгрессѣ и было рѣшено устроить его въ Фрибургѣ въ 1897 году. Въ пятницу читалъ рефератъ Цамъ (о необходимости преподавать естественныя науки въ духовныхъ семинаріяхъ) и затѣмъ Кэнь сдѣлалъ сообщеніе „объ участіи американскихъ католиковъ въ парламентѣ религій происходившемъ въ Чикаго во время всемірной выставки“¹⁾. Кэнь хвалилъ и парламентъ и католиковъ. Но должно замѣтить, что парламентъ этотъ не имѣлъ никакихъ практическихъ результатовъ, а высококомѣрнопренебрежительное отношеніе на немъ католической іерархіи къ православнымъ (къ счастью духовныхъ представителей собственно русской церкви тамъ не было) во всякомъ случаѣ заслуживаетъ порицанія.

Въ настоящее время еще не опубликованъ подробный отчетъ о конгрессѣ, отпечатаны общія сообщенія о немъ и о его общихъ собраніяхъ и нѣкоторые изъ рефератовъ читанные въ различныхъ секціяхъ конгресса. Изъ таковыхъ интересенъ прочитанный въ антропологической секціи рефератъ Надайка „объ обитателяхъ свайныхъ построекъ“. Ляйэлъ нѣкогда посвятилъ цѣлую книгу доказательству глубокой древности этихъ построекъ. Еслибы Ляйэлъ былъ живъ, онъ долженъ былъ бы теперь отказаться отъ своей книги. Оказывается, свайныя постройки практиковались во многихъ мѣстахъ и въ очень недавнее время. Вирховъ нѣмецкія свайныя постройки относитъ къ XIV столѣтію до Р. Х. и нѣтъ никакихъ основаній возводить время происхожденія какихъ бы то ни было изъ нихъ въ значительно

¹⁾ Объ этомъ парламентѣ см. В. А. Соколова „Парламентъ религій въ Чикаго“ (Богословскій Вѣстникъ 1894 г., также и отдѣльно).

болѣе глубокую древность. Въ напечатанномъ рефератѣ (прочитанномъ также въ антропологической секціи) Аси „эпоха кладбищъ въ Баусэ-Руссэ“ (близъ Ментоны въ Италиі) опровергается теорія, по которой будто бы первобытные европейцы не имѣли никакой религіи и не хоронили своихъ мертвецовъ. Покойники Баусэ-Руссэ несомнѣнно принадлежать къ первобытнымъ европейцамъ (палеолитическаго вѣка) и однако они погребены и притомъ съ религіозными обрядами.

Въ рефератахъ по антропологіи, читанныхъ на брюссельскомъ конгрессѣ, не рѣдко цитируется рѣчь Вирхова на московскомъ международномъ конгрессѣ по антропологіи и этнографіи въ 1892 году. Вирховъ въ этой рѣчи высказалъ, что не найдено промежуточныхъ звеньевъ между животнымъ и человѣкомъ и что всѣ слѣды указывающіе якобы на глубокую древность (именно на существованіе человѣка въ третичный періодъ) оказываются ошибочными. Католическіе ученые знаютъ это не хуже Вирхова и мы можемъ указать много ихъ монографій (наприм., Гамарда, Арслена), въ которыхъ этотъ вопросъ трактовался съ гораздо большею полнотою и обстоятельностью, чѣмъ въ короткой публичной рѣчи нѣмецкаго ученаго. Но католикамъ важно указать на Вирхова, какъ на сторонника ихъ воззрѣній по антропологическимъ вопросамъ. А то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ рѣчь Вирхова какъ бы являлась выраженіемъ взглядовъ если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ членовъ московскаго конгресса еще болѣе идетъ имъ на руку. Относительно послѣдняго намъ интересно—знаютъ или не знаютъ католики, что антропологическія воззрѣнія большинства членовъ московскаго конгресса шли рѣшительно противъ утвержденій Вирхова? Рѣчь Вирхова доставила этимъ членамъ немного удовольствія и только сознаніе обязанности быть вѣжливыми по отношенію къ гостю побудило ихъ оставить его рѣчь безъ возраженій.

Кромѣ опубликованныхъ рефератовъ по антропологіи изъ напечатанныхъ интересенъ еще читанный въ ботанической секціи рефератъ аббата Булэя „эволюціонная теорія въ ботаникѣ“. Булэй приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) твореніе царства растительнаго не произошло сразу и внезапно; 2) у насъ нѣтъ доказательствъ, что оно совер-

шалось путемъ послѣдовательнаго появленія новыхъ видовъ въ состоянїи сѣмянъ или зрѣломъ. Этотъ способъ творенія возможенъ, но онъ не доказанъ научно; 3) теорія эволюціи, предполагающая происхожденіе современныхъ растений отъ одного или нѣсколькихъ первоначальныхъ типовъ, сама по себѣ является возможною, но эта возможность слишкомъ обща, неопредѣленна и лишена всякаго научнаго характера; 4) изученіе дѣйствительныхъ растений побуждаетъ смотрѣть на эту теорію, какъ на недоказанную гипотезу, въ пользу ея оно представляетъ лишь весьма слабыя вѣроятности очень далекія отъ того, чтобы изъ нихъ можно было вывести заключенія; 5) устанавливая, что растительныя формы являлись послѣдовательно во времени и что по мѣрѣ приближенія къ настоящимъ временамъ они становились все совершеннѣе и разнообразнѣе, палеонтологія представляетъ нѣкоторыя основанія въ пользу теоріи эволюціи ¹⁾, но палеонтологическихъ документовъ слишкомъ мало и они слишкомъ дурно сохранились, чтобы на основаніи ихъ можно было утверждать происхожденіе однихъ видовъ отъ другихъ и защищать десцендентную теорію; 6) теорія эволюціи далеко не доказана, она представляетъ предметъ для изслѣдованія, а не принципъ для доказательствъ. Многіе авторы поступаютъ очень дурно, что употребляютъ такую терминологію, которою явно предполагается несомнѣнная и доказанная истинность этой гипотезы, между тѣмъ какъ на са-

¹⁾ Съ этимъ мнѣніемъ Буля нельзя согласиться. По нашему мнѣнію палеонтологія представляетъ серьезныя основанія для опроверженія теоріи Дарвина. Часто находили много палеонтологическихъ останковъ двухъ родственныхъ видовъ и ни одного промежуточнаго звена между ними. По теоріи между такими видами (наприм., силурійскихъ трилобитовъ)—самое минимальное—должно существовать 10—20 промежуточныхъ формъ и еще неустойчивыя звенья между формами. Если въ природѣ существовало по милліону индивидуумовъ, отысканныхъ палеонтологією родственныхъ видовъ, то промежуточныхъ звеньевъ должно быть болѣе 1000 милліоновъ. Съ точки зрѣнія теоріи вѣроятностей совершенно непонятно, почему же палеонтологамъ не встрѣчаются останки этихъ 1000 милліоновъ и часто встрѣчаются останки просто милліоновъ. Никакихъ мало-мальски удовлетворительныхъ объясненій этого дарвинисты не представили (теорія неустойчивости и потому безслѣднаго исчезновенія посредствующихъ формъ теперь не принимается ни кѣмъ), но это будетъ вполне объяснимо, если мы примемъ, что такихъ формъ никогда не существовало и что теорія Дарвина въ ея строгомъ видѣ представляетъ собою заблужденіе.

момъ дѣлѣ она еще очень темна. Булэй особенно настаиваетъ на вредномъ значеніи этого пріема при обученіи юношества.

Еще не всѣ рефераты третьяго съѣзда католическихъ ученыхъ опубликованы, но уже изъ приведенныхъ заглавій и краткаго содержанія нѣкоторыхъ изъ нихъ можно видѣть, что они представляютъ большой интересъ и могутъ имѣть важное значеніе. Ученые самыхъ различныхъ направлений, конечно, не замедлятъ воспользоваться ими, когда тѣми или иными путями узнаютъ ихъ. Но у многихъ безъ сомнѣнія естественно возникаетъ вопросъ: почему сами члены конгресса не рекламируютъ свое дѣло, не придаютъ широкой гласности своимъ начинаніямъ? Намъ кажется, что два рода причинъ имѣются для этого у католиковъ. Католическая церковная власть своимъ отношеніемъ къ ученымъ въ то время, когда она была могущественной, развила во многихъ служителяхъ науки глубокое чувство вражды противъ католицизма, и эта вражда по наслѣдству переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Вотъ почему къ научнымъ трудамъ и начинаніямъ, выходящимъ съ благословенія папы, относятся очень подозрительно. Когда католицизмъ выражаетъ свои симпатіи наукѣ или научнымъ открытіямъ какого-либо ученаго, недовѣрчивый современный западноевропейецъ повторять слова Энея:

Quidquid id est, timeo Danaos et dona ferentes.

Поэтому католическіе ученые, когда публикуютъ свои научныя изслѣдованія, опровергающія антирелигіозныя теоріи или подтверждающія ученіе вѣры, находятъ, что лучше не подчеркивать ихъ католическое происхожденіе. Затѣмъ можетъ быть католики не говорятъ такъ шумно о своихъ предпріятіяхъ и не рекламируютъ своихъ начинаній, потому что имѣютъ побужденія не привлекать особаго вниманія къ этимъ начинаніямъ и предпочитаютъ лучше прямо знакомить публику съ ихъ результатами. Можетъ быть — а кто знаетъ католиковъ, тотъ знаетъ, что это не висящее на воздухѣ предположеніе — у католиковъ имѣются серьезные поводы скрывать за кулисами весь механизмъ, управляющій ихъ походами противъ невѣрія вообще и враговъ католицизма въ особенности, скрывать механизмъ даже такихъ походовъ, которые ведутся повидимому исключительно подъ научнымъ знаменемъ. Та-

ковы по всѣмъ вѣроятіямъ причины, которыя заставляють ихъ дѣйствовать тихо и безшумно. Благодаря Богу, у православныхъ ученыхъ нѣтъ ничего, что бы побуждало ихъ опасаться гласности и обличеній за прошедшее или настоящее.

С. Глаголевъ.
